

святитель Астерий Амасийский

Увещание к покаянию святитель Астерий Амасийский

Фарисей некий, как мы только что слышали из повествования Луки ([Лк.7:36](#) и след.), приглашает Господа в гости, ведет под кров свой и предлагает общую с собой трапезу. И Господь не отказывается от приглашения и не избегает этого человека, хотя он не был (Его) учеником и не уверовал, а был привязан к букве закона и не отверз еще очей своих к уразумению истины, но тяжко слепотствовал по отношению к обетованиям пророческим. Так зачем же Лука написал нам эту главу? Затем ли (только), чтобы мы ведали, что сотворил Господь Иисус, живя во плоти, и приобрели познание полезного рассказа? – или же повествование это исполнено некоторого полезного и поучительного смысла, направляя жизнь нашу к правильности и устойчивости? Я думаю именно так; следует и вам убедиться в том же. Ведь многие из тех, кто себя самих считают праведными, бывают самолюбивы и своенравны, надмеаясь в самообольщении пустым высокомерием, называя грешниками приближающихся (к ним) и, до наступления истинного суда, отделяя себя от них, как овец от козлиц; и взирая на дверь царствия, как на отверстую для них; не удостоивая обыкновенных людей общения ни в крове, ни в пище, гнушаясь всех, кто в жизни идет не по высокому, но по среднему пути.

Итак, Лука, врач не столько телес, сколько душ, передал нам письменно настоящее повествование, не как простой рассказ, но как врачевание для одержимых недугом высокомерия, показывая нам, как Сам Бог и Спаситель наш, без сравнения всех чистейший и единый праведный, весьма снисходительно вращается с осужденными и проводит жизнь вместе с теми, которые были еще неочищены – не для того, конечно, чтобы позаимствовать что-либо от их греховности, но чтобы им сообщить нечто от Своей праведности, по образу этого видимого действия солнца (поскольку от твари можно составить себе понятие о промысле Творца). Солнце, как знаем, озаряет не только местности ровные, но и глубокия ложбины и места, имеющие вид пещер. Итак, если есть у кого из нас такие помыслы, о каких говорится в этом повествовании, оставим их, и будем подражать милосердию и человеколюбию Господа, снисходя поэтому к

низшим – не с тем, чтобы самим унизиться до падших, но чтобы и их возвысить, подобно неким ныряющим в воду пловцам, извлекая обмерших на этот животворный воздух.

Но так как евангельское писание руководствует к высшему разумению, то направим внимание к заключающейся в нем цели. Крайне дивлюсь я на людей, облеченных этою страстною и преданною похотям плотью, побеждаемых ежедневным сном и чревом и, без сомнения, имеющих и другия безчисленные возбуждения, знакомыя всем нам, общникам одной и той же природы, – какими суровыми судьями являются они к погрешающим и как снисходительны к себе самим, – эти немощные подвижники, но законодатели неумолимые до того, что и надежду на человеколюбие Божие отнимают, и богатый источник милости мнят заградить, и с большим самовластием запирают вход в царствие для заблудших. А это есть не иное что, как в душах, ищущих врачевания, поселять подзаконное отчаяние; ибо кто отчаялся в исцелении, тот становится навсегда рабом болезни и чуждым всякаго обетования (даннаго) в наших Писаниях, где для понимающаго разумно не находится ничего такого, чего не давала бы благодать и не врачевало бы снисхождение. И кто настолько глух и невосприимчив к словам Иова, ясно взывающаго ко всем, что никто не чист от скверны, если бы даже жизнь его была только один день (Иов.14:4–5). Кто же из здравомыслящих возымел бы о себе столь преувеличенное мнение, что, подлежа судебной ответственности и притом – на суде Божиим, счел бы излишним прощение и ненужною милость?

Но если бы даже они и достигли высочайшей степени праведности и строгости (жизни), действительно поправ, по написанному (Лк.10:19), змей и скорпионов, и объявлены были достойными венка победителями греха: то и тогда им не подобало бы по своей доблести определять жизнь и всех прочих, но за собственное прославление воздавать благодарность давшему оную Богу, потому что они и природу властно обуздали, и искушениями сатанинскими не были побеждены, – немощным же они должны были бы простирать десницу человеколюбия, поднимать из грязи и очищать от скверн. Ведь тогда они достигли бы двойной похвалы, получая награду и за собственную нравственную чистоту и вместе – за братолюбное и полезное сочувствие (к другим). А теперь, сами будучи людьми из (числа) ходящих по земле и живя жизнью не ангельскою подобно безплотным, а такою, какую иной счел бы достойною ответственности и осмеял бы, они (других) судят жестоко и с большим самовластием выносят обвинительный приговор, так что я, часто терзаясь

этим ослеплением и высокомерием, скажу о них слова евангельския, что не видя бревен в своих собственных глазах, вы преувеличиваете сучки в чужом зрении (Мф.7:3–4), и тягчайшия бремена навязывая другим, сами расхаживаете как строгие судьи и как слабые носители бремени, преждевременно занимая (судейское) седалище Христа и предвосхищая приговор Судии, – вы, рабы – презрители и неумолимые судьи подобных себе рабов! Если ревнуете по Боге, как созданные по образу Его, то подражайте вашему Первообразу. О, христиане, – человеколюбное имя, – поревнуйте любви Христа; воззрите на богатство Его человеколюбия. Ведь Он, намереваясь явиться людям в образе человеческом, послал наперед Иоанна проповедника покаяния, руководителя раскаяния, – и всех, прежде Иоанна бывших, пророков, учителей обращения (к Богу). Потом и Сам вскоре явившись, собственным гласом взывает самолично: «приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28). И как принял Он послушных этому зову? Без их труда Он даровал отпущение грехов, избавление от печалей быстрое и немедленное. Слово осватило; Дух запечатлел: ветхий человек погребен, новый родился, обновившись благодатию. А что затем? Человек теперь свой вместо чужаго, сын вместо наемника, посвященный в таинства – из непосвященнаго, святой – из нечестиваго. Обогащенный столь величественными и высокими дарами, но согрешивший против щедраго и милостиваго Благодетеля – у вас, суровых и неумолимых судей, тотчас же без всяких разсуждений был бы конечно предан погибели, будучи лишен здешней жизни и подвергнут наказанию – в тамошней. Но поелику не таков Владыка суда, творящий милость тысячам и десяткам тысяч, и не хотящий смерти грешника, но ожидающий его обращения (Иез.18:23); то отнюдь таким образом не наказывались оскорблявшие (ранее) полученную благодать. Напротив, вторая милость опять следует за первую, с забвением о прошлом соединяется прощение; одна капнувшая слеза равняется по силе целой купели и тяжелый вздох низводит благодать, на немного отступившую. Если не веришь (моему) слову, вопросы Петра, в доме архиерея сидящаго, и он скажет тебе, как он очищен был, оплакав падение отречения (Мф.26:75) – и не превратился в (прежняго) Симона, но остался Петром этот апостол.

Я думаю даже, что и Иуда Искариот, если бы только он сам не сделался своим палачем, признав (свой) грех непростительным, припав, попросил бы милосердия, не остался бы без милостей, изливаемых на всю вселенную. Свидетельством тому – все евреи, уверовавшие после Креста и омывшие в крещении души вместе с руками. Если же распинатели были

помилованы, то как лишился бы прощения предатель? Вязал некогда и Павел христиан, но, претерпев потом узы за Христа, он этим одинаковым (с предававшимися им на казнь христианами) образом страдания искупил свои вины; согрешил он, побивая камнями Стефана и сочувствуя убийцам, но (сам), будучи бит камнями, загладил прегрешение. Были мытарями некогда Матфей (Мф.9:9) и Закхей (Лк.19:2), но пренебрежением сокровищ поправши мытарство, один принял Иисуса в доме своем и еще более – в душе, а другой явился евангелистом и описателем чудных деяний. Естественно связывается в памяти мытарь вместе с фарисеем и женщина та, потерявшая драхму и нашедшая (Лк.15:8).

Если кто станет перечислять людей всякого жизненного положения в порядке времен от начала до конца, то найдет многих, которые прежде были одержимы грехами, а потом стремлением к лучшему переменились в своем настроении. Ведь Богу только свойственно и Ему исключительно – во всем поступать правильно, без ошибки. Человек же, подверженный происхождению и тлению, исполненный стольких страстей, никогда не оказался бы необвиненным (т. е. оправданным), если бы лишить его снисхождения. Посмотри на Давида, царя израильского, которого по избранию рукоположил Бог и украсил похвалами Своего свидетельства, говоря: «нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иесеева» (1Цар.13:14; Деян.13:22). Даже и он, после такого блестящего свидетельства, быв побежден страстию любви к плоти, подпал тому, что всем нам известно; но после обличения пророка пришел к сознанию зла и оставил письменное (изложение) подвига покаяния для всех потомков. И мы созерцаем в Псалтири, как на картине, этот трудный подвиг: то изнуряет он тело печалью; то ночь, это общее успокоение от трудов, делает для себя временем рыданий и на ложе проливает слезу из веждей, как из источников; то наконец – оставляет нам плодом этого труда пятидесятый псалом, образец умиловления Бога. И не напрасно для него (Давида) подъят был этот труд сетования; но тяжелыя воздыхания привлекли (ему) милость: снова получил он и власть царского самодержавия, и дерзновение молитвенного обращения к Богу. Подобным образом и тот, избранный царствовать в Ниневи, множеством грехов был доведен до гибели вместе с подвластными ему народами, и обличение греха возвещало уже скорое приближение срока наказания. Но так как они уже благоразумно сами себя подвергли наказанию, то избежали испытания беды (Ион.3:1 и след.). И опечалился провозвестник бедствий, что сказал неправду, и сильно возроптал на милосердие Божие. Но Тот, Кто всегда словами и делами дает знать нам, сколь великое благоснисхождение имеет

Он к людям, – произращает тыкву над головой для покровы пророку от неприятного луча солнечного; но когда (пророк) спал под тенью (ея), Он сразу изсушил ее. Затем, когда тот, (пророк), проснувшись, обнаружил неудовольствие по поводу случившагося, Он укоряет и порицает его. Если тот так страстно сетует из-за увядшей зелени; то разве Бог не преклонился бы состраданием к столь великому (городу), приблизившемуся к опасности? (Ион.4:1 и след.)

Итак, научитесь вы, жестокосердые и непреклонные, благости Создателя нашего, и не будьте суровыми и тяжкими судьями подобных вам рабов, пока не приидет Открывающий сокровенныя тайны сердец и Определяющий, по Своей владычней власти, каждому (известное) состояние (в) будущей жизни. Не произносите жестоких приговоров, дабы самим не подвергнуться таковым же и не наколоться на слова собственных уст, как на острейшие зубы. Предостережение от этого прегрешения, как мне кажется, имеет в виду и евангельское изречение, гласящее: «не судите, да не судимы будете» (Мф.7:1): ведь не суд вообще и прощение отвергает оно, но судом называет слишком жестокое осуждение. Итак, сделай вес правосудия легким для других, если только хочешь, чтобы и твои деяния не были наклонены в сторону осуждения, когда жизнь наша будет взвешиваться, как на весах, на суде Божиим. Будучи облечен телом и живя во плоти, ты никогда не устранишь из жизни помощь врачевства; ибо хотя бы обладал ты в величайшей степени благополучием и здоровьем, не проживешь однако настолько безболезненным, чтобы не испытать нужды в заботливости врача. И душу имея склонную к земному (как только она забудет о себе, тотчас наполнится телесными страстями), не отвергай милосердия, чтобы не лишиться себя снисхождения, когда станешь нуждаться в нем. Если кто – иерей, и назначено ему быть руководителем народа, то пусть снисходительно смотрит он на падения подвластных своих, зная, что если жизненное положение его и имеет отличие сравнительно с народом, все же природою он несколько не отличается от пасомых; а имея общение в ней (природе), он – может стать – будет когда-нибудь общником и прегрешения.

Зная это, и Моисей (ведь он был человеком и хорошо знал природу – человеческую) постановил приносить в жертву тельца за священника, согрешившаго, конечно, и нуждающагося в очищении, и даже большем. Но чем был тогда плотской телец, то теперь – безтелесное раскаяние и безкровное моление, которым гордясь и хвалясь, да не утратим мы (этого) благодеяния, зная, что и Аарон, знаменитейший иерей, примкнул к народу, искавшему богов, и вместе с сестрою Мариєю увлекся ропотом; и

если бы возроптавши (потом) не умолил, не избежал бы наказания. И всякий другой, не иерей, а один из народа, пусть боится возлагать тяжкое бремя: ибо если и тому, кто призван очищать народ, в известные времена оказывается необходимым очищение, то что же должно быть с тем, кто не имеет силы такого рукоположения?

Будем подражать пастырству Господа; приникнем к Евангелиям и, как в зеркале, изучим образец попечительности и благости. Вижу я там в притчах и прикровенных речах человека, пастыря ста овец (Лк.15:4 и след.). Он, когда одна овца отделилась от стада и заблудилась, не остался с теми, которые паслись в порядке и не отделяясь; но устремившись в поиски, много исходил долин и ущелий, через много и скал высоких переправился, потрудился сильно и в пустынных местах, пока не нашел. А нашедши, не ударил и даже не погнал очень быстро к стаду; но, возложив на выю и принеся бережно, снова присоединил ее к стаду, радуясь о ней более, чем о множестве прочих. Размыслим же о предмете сокрытом в этих загадках: овца ведь не есть на самом деле овца, и пастырь – без сомнения есть иное нечто, а не пастух безсловесных. Но это – образцы, поучительные для иереев, дабы мы, с одной стороны, опрометчиво не лишали людей надежды и, с другой – не относились беспечно к находящимся в опасности. Будем же отыскивать увлеченного страстию, будем возвращать его к (доброму) порядку, будем радоваться об обращающихся и будем присоединять (их) к сонму право живущих.

Иерею следует настолько проявлять человеколюбие вместо отвержения, что если бы и Сам Господь повелевал посесть кого-либо, как бесполезное растение, он, как садовник, должен просить о пощаде и отсрочке. Таковую ведь именно мысль дает нам повествование о бесплодной смоковнице (Лк.13:6 и след.). Когда господин хотел порубить ее за бесплодие, земледелец умоляет и просит об окопе и обкладке, возбуждая в нем добрая надежды своим уходом. Не посекай же легкомысленно (и ты), обязанный предотвращать назначаемое от Господа посечение, не определяй поспешно негодности. Но приложи труд заботливости: вскапывай обличениями, согревай, как навозом, увещаниями, поливай притоком учений, огораживай, как валом, оградами заповедей. Твое дело ходатайствовать, а судить – Судии. Будем стараться усвоить себе тоже наименование, которое прилагается и к Господу: Он ведь называется Ходатаем за род человеческий, умилоствляющим Отца; подобным образом и Дух истины получил имя за попечение о нас, ибо и Он называется Ходатаем. Прощение же и ходатайство, конечно, совершается за согрешивших, а не за чистых и невинных. Поревнуй ты, иерей,

попечительности Моисея, подражай благорасположению его к находившимся под его начальством. Он, прося у Бога, чтобы не разгневался на согрешивший народ, лишь только заметил, что милость замедляется, стал молить о том, чтобы (самому) прежде удалиться от народа, дабы не видеть гибели пасомых. Впрочем, лучше всего припомнить (здесь) самую речь его: молю, – согрешил народ грехом великим, и сделали они себе богов золотых; и теперь, если отпустишь Ты (Господи) им грех, отпусти; «если же нет, то изгладь меня из книги, в которую Ты вписал» ([Исх.32:32](#) и след.). Видишь ли как спасение народа предпочитает он своему собственному, и просит быть изглаженным, если (Бог) не дарует прощение общине? А (у нас) теперь гневающиеся на согрешающих гонят от себя и проходящих, проходят (без внимания) мимо припадающих и не склоняют лица своего к плачущим.

А что написал мне Лука, вернее же – Дух Святой, о блудном сыне ([Лк.15:11](#) и след.), который сначала оскорбил родителя своим удалением, потом развратившись в удовольствиях и пьянстве и объятый страстью к женщинам, расточил все отеческое богатство? Когда же по прошествии некотораго времени, натерпевшись достаточно бед, так что был и свинопасом наемным и питался одною пищею с свиньями, и образумившись, возвратился к отеческому очагу, то отец не отворотился (от него) и не затворил дверей при его возвращении; но совершенно напротив – вышел поспешно на встречу приближающемуся, заключил его в объятия, сострадательно пролил слезу на выи (его) и сделал опять из жалкаго счастливым, облачив в приличную одежду, надев на руку перстень, превратив тот день в праздник и устроив блистательный пир. Все это – речь приточная, которая тайно приоткрывает нам Церковь, как дом отчий, и побуждает с любовью принимать в нее, дабы не жили они подобно свиньям, т. е. демонам, но опять сделались бы из чужих сынами; дабы жили они согласно с волею Бога, как с мыслями отца, и с святыми мужами, как братьями. И ты не подражай настроению старшаго (сына), не ропщи на человеколюбие отца, что он ввел в дом свой блуднаго и своевольнаго. Удивляйся лучше благости и подражай долготерпению Божию, принимай в объятия обращающихся от блуждания и обнимай (их): таким образом ты будешь вождем слепых и учителем заблуждающихся.

Итак людям с чрезмерно суровым настроением и проявляющим жестокость вместо сострадания сказано у нас довольно, и ничего больше не требуется. А затем послушай и ты, нуждающийся в обращении, как следует тебе печалиться о грехах и оплакивать падения сердечныя. Более всего обрати внимание, если угодно, на грешную жену, о которой в

нынешний раз было прочитано нам из Луки (Лк.7:37–38). Подражай ей смирению и благоразумию и прими правила строгаго покаяния. Ведь она, пришедши в дом фарисея, не устыдилась множества гостей и не стала избегать времени пира, как неудобнаго для исповедания; но объятая печалью и имея сильную скорбь о прегрешениях, ни на одну минуту не оставляла Врача грехов. И не прямо перед лице представши, умоляла она, но выражая свое недостойнство и робость своим видом, она заняла место позади; и не просто встав, но ухватившись сзади за ноги, распустив волосы и самым делом обнаруживая перед людьми скорбную душу и обливая ноги Иисуса слезами, с великим умилением испрашивала она милости; и столько излила (слез), что омочила ноги, и отерши опять влагу волосами, проявила она всю смиренную богобоязненность. Кратко говоря, всеми чувствами и членами, принимавшими участие в грехе, женщина выстрадала покаяние. А что она, так оплакивавшая свои грехи публично и явно, совершала в свободное время тайно, – об этом можно заключать уже по догадке. Мы же на словах изъявляем готовность к покаянию, а на деле не проявляем никакого труда; но имеет тот же образ жизни, какой вели и до греха: и веселость такая же, и одежда таже, и наслаждение столом изобильное, и сон продолжительный и до-сыта, занятия и заботы непрерывныя, производящая в душе забвение о собственном ея попечении. Так, одно только слово покаяния выставляем мы на вид – бесплодное и бездейственное, удаляя себя от таинств и приобщения неизреченных святынь, и не употребляя никакого старания с целию обращения к ним, но презирая наслаждение ими, как нечто дешевое. Подумай, человек, сколь великаго удостоенный удалил ты себя от участия в оном. Если бы ты был участником царскаго стола, а потом, впад в немилость, лишился бы этой чести, то сколько бы денег дал выкупом, чтобы опять стать другом и сотрапезником? Чьих дверей докучливо не обошел бы ты, вымаливая, не зная к кому обратиться за помощью, вздыхая, считая жизнь не в жизнь, изнуренностью и видом лица выказывая боль (скрытой) в глубине печали, – всякий камень, как говорится, сдвигая, пока не исправишь своей беды? А тот, кто удален от дружества с Богом и лишился поистине высокой чести, что соделав великаго и важнаго, проявит смирение страждущей души?

Несообразно объявляющему себя больным вести одинаковую со здоровыми жизнь, ибо иной образ жизни больного и другой – здороваго. Видишь ли, какая перемена бывает со здоровым человеком, наблюдая перемену больного сравнительно с здоровым состоянием? Лежит он (больной) в маленькой комнатке, далекий от всяких обычных забот; не

радеет уже о земледелии даже и ревностный земледелец; оставляет попечение о богатстве любитель стяжания и торговли; водою и кусочком питается, хотя прежде пользовался преисполненным роскоши и сибаритским столом; на детей не радуется по обычаю и от жены отделен, с врачами проводит он день и ночь и большою ценою стремится к восстановлению здоровья, как к излюбленному прибытку. Таков больной телом. А ты, болящий душою, почему не спешишь к безтелесному и, притворно исповедуя и показывая врачу свою немощь, оставляешь усиливаться и распаляться своему недугу, чтобы развился он во всей силе? Но образумься, познай самого себя. Бога опечалил ты, Творца своего прогневал, имеющего власть и настоящей и будущей жизни Господа и Судию. От роскоши пришел ты в дурное состояние? – постом уврачуй пресыщение. Необузданность нанесла вред душе твоей? – целомудрие да будет лекарством недуга. Корысть вещественная причинила духовную лихорадку? – милостыня пусть опорожнит излишек: ведь очистительное средство от чрезмерного избытка – в уделении другим. Причинило нам вред похищение чужаго? – пусть возвратится к своему владельцу похищенное. Ложь привела нас близко к гибели (ибо сказано: «Ты погубишь всех говорящих ложь» – (Пс.5:7))? – забота об истине да отвратит опасность. Клятвопреступление ли наводит летящий воздушный серп Захарии, грозящий посечением? (Зах.5:1–4) – облечемся в полное всеоружие покаяния, чтобы отклонить острие серпа. Поработился ли кто нечестиво еретическим догматам? – православным образом мыслей пусть отгонит угрызения (совести). Таково ведь раскаяние, – освобождение и изглаждение того, что ранее или самым делом было совершено, или в намерении замыслено.

А тот, кто знает пользу покаяния, но постоянно возвращается в тине беззакония, оказывается подобным рабу, знающему гнев господина, но на глазах его делающему худое и (через то) усугубляющему грех. Ты же будь внимателен к одержавшей тебя болезни. Сокрушайся, сколько можешь, ищи и печали братьев единомысленных в помощь себе для освобождения (от болезни). Покажи мне горькую и обильную слезу твою, чтобы я примешал (к ней) и свою; возьми и иерея в сообщники скорби, как отца: ибо есть ли отец, настолько не соответствующий своему имени или настолько черствый по душе, чтобы не скорбеть вместе с детьми, находящимися в печали, или наоборот – не радоваться вместе с радующимся? Иерей так скорбит о грехе сына по религии, как Иаков – об окровавленной одежде Иосифа (Быт.37:33 и след.), как Давид – о гибели Авессалома (2Цар.19:4), как Илий – об Офни и Финеесе, павших в строю (1Цар.4:18),

как Моисей – о народе безбожном, который из любви к новшествам устроил себе тельца ([Исх.32:29](#) и след.). Прежде отцов плотских положишься на родившаго тебя по Боге: покажи ему не стыдясь сокровенное; обнажи тайны души, как врачу показывая скрытую болезнь. Он позаботится и о благопристойности и о врачевании. Стыд больше затрогивает родителей, чем самих потерпевших (детей): ибо как слава детей относится к родителям, так равно и срам. Неизвестен, братие, срок (нашей) жизни: предварим же заботливостью исход. Нелепо ведь, если те, кои разсудительно заботятся о плоти, очищают себя от нечистот прежде восхода так называемого пса (созвездия), – дабы сырость, загнив от слишком большой теплоты, не произвела болезнотворного нагноения: – а нуждающиеся в заботе о душе не предупреждали бы неизвестности смерти и кипения огня карательного, безпрестанно горящаго и никогда не охлаждаемаго. Драхму евангельскую имел ты, и был достаточно богат этим сокровищем; а потом по нерадению потерял ее. Зажги светильник из покаяния ([Лк.15:8–9](#)); склонись заботливо; отыщи драгоценность, сокрытую земными страстями. Нашедши, подними и сохрани, дабы мы, соседи, порадовались вместе с тобою радостию во Христе, Которому подобает слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Содержание

святитель Астерий Амасийский Увещание к покаянию	1
святитель Астерий Амасийский	